
Ольга АНДРЕЕВА

* * *

Страницы истории нашей летящей
листаю с конца, как израильский паспорт,
бумага все толще, и ход черепаший
у самых начал — в Индонезии прашур
рисует фигуры на стенах пещеры —
рисует, рисует сквозь тысячелетья
быков и оленей, людей с мордой зверя,
так истово в действенность образа веря,
мой неандертальский приятель-коллега.

Два выцветших флага, предавших друг друга —
простая завязка батальных сюжетов,
мы все еще бродим по этому кругу,
вот разве — в веках ускоряем движенье.
А на ночь — послушать царя Соломона,
и снова три тысячи первая книжка
напомнит — о большем... Покормишь сынишку
самшитовой ложкой, спасаясь от мора,

осиновых кольев — тетрадных, школьных,
добудешь из черного космоса мозга —
и снова свободна — как будто возможна
свобода в смиренной искрящейся боли...

ДЗИГА ВЕРТОВ¹

Буквами писал водопады,
птичье пенье, визг лесопилки...
Как спасти сечений овалы,
мига боль, значенье и месседж?

Ольга Андреева — поэт. Родилась в г. Николаеве. Член Союза российских писателей, Южно-русского Союза писателей и Союза писателей XXI века. Автор восьми поэтических сборников. Публиковалась в альманахе «ПаровозЪ», в журналах «Нева», «Плавучий мост», «Эмигрантская лира», «Дети Ра», «Новая Юность», «Крещатик», «Зинзивер», «Аргамак», «Южное сияние», «Ковчег», «День и ночь» и др. Живет и работает в Ростове-на-Дону.

¹ Дзига Вёртов (1896—1954) — советский кинорежиссер и сценарист, один из основателей и теоретиков документального кино. Снял первый звуковой фильм в СССР, применил слоу-мо — эффект замедленного действия — и придумал приемы, которые до сих пор используют в кинематографе, включая методику «скрытая камера». Его фильмы часто называют величайшими из всех документальных фильмов в истории.

Камера! Едва от лампы —
будущего лик олимпийский!
Так любой ценою — дорваться,
знаю как, провижу, умею!

Поцелуй, слова, стук колесный,
рвутся судьбы, страны кроются,
выхвати сюжеты и планы,
выкради у вечности правду.
Скачет пленка криво и косо —
время скачет в сотнях локаций,
а какой из ракурсов главный —
пусть решит изнеженный правнук.

Вот кресты на звезды сменились,
колокольный звон — на помехи,
глаз не отводи там, где жутко —
и земля останется зрячей.
Это не опишут чернила,
здесь нужны симфонии вехи.
Сгинувших во тьму промежутков
возвращать — его сверхзадача.

Показал России — столицу,
наяву — события, лица,
Троцкий, Ленин, бунты, расстрелы —
каждая деревня прозрела,
стали видеть, мыслить синхронно
километры отснятых хроник
в жажде жизни неутоленной —
эх, нельзя расходовать пленку...

Камера умеет так много —
да крути же ручку быстрее! —
страх-прыжок-полет-смех свободный —
все нюансы краткого мига,
все ресурсы мира иного,
музыка, язык эпопеи,
с пленкой он творил что угодно.
Он решил назвать себя Дзыгой.

В целом жизнь — она бессюжетна,
до нее — куда Голливуду —
детектив, адюльтер, погоня...
У иллюзий — плоские краски.
В жизни — сто оттенков и жестов,
да боятся правды вживую —
размывает святость идеи
и срывает липкие маски.

Он творил в такую эпоху,
где метафор не понимали,
убирая шоры и фильтры:
нецензурна глаз поволока —
фильм надолго ляжет на полку,
истины слои, интегралы
считываться будут с эфира
вечно скрытой камерой Бога.

* * *

Больше полусотни октябрей...
О. скажи мне, чем я заслужила
этот сладко плачущий орех
цвета янтаря в горчичных жилах,
этот виноградный хорей,
предвкушение взмаха под лопаткой.
All my troubles seemed so far away.
Люди, львы, орлы и куропатки
в зарослях его наивняка
разбредутся по звериным тропам,
нас не оторвать от корешка,
мы в себя вернемся автостопом.

Что случилось с небом? Льет и льет,
починил бы кто-нибудь прореху,
отрываясь от корней, жильё
человечье уплывет орехом
грецким — вдоль по вектору лозы,
ведь орех имеет форму мозга,
и опять припомнишь Лао-цзы
о победе нежного над жестким.

* * *

Мне сон в вагоне — табу,
я мозг летящей стрелы.
В ночное вышел табун,
все ближе шапки Аллы,
все реже блики церквей,
быстрее реки текут,
ведь море — рядом. Хайвей
всю ночь хребты стерегут,

не любит быстрой езды —
нездешний, сто — за часок,
как любят влагу сады,
как пальма любит песок.

Сменил частоты эфир,
уже поет муэдзин.
Вдали мелькает пунктир
надрывной горной грозы.

* * *

Белая птица сквозь хлопья взмывает,
что она видела — мне не приснится,
к солнцу ныряет от дома на сваях,
будто Мюнхгаузен с прусской косицей,
мощно сливаясь с воздушным потоком,
плавно несущимся к самым истокам —
где нерестятся огромные рыбы.

Птицы морские гнездятся на глыбах,
птенчики ждут — и встречают пираты
судно, груженное кожей и маслом, —
на бордаж бы — да солнце погасло,
ох, не вернуться им в Чарльстон обратно,

смерч завернулся в небесную клизму,
остров пятнадцать мятежников губит,
хобот от классиков сюрреализма
быстро смещается в сторону Кубы,
Сдвинулись сели, изодраны тралы,
тонут сокровища Эдварда Тича,
бустрофедонами — и по спирали,
к жизни — изгиб траектории птичьей.

* * *

А вокруг проплывают дома-корабли,
не входи — бросят якорь и в землю вратут,
постарайся идти, не касаясь земли,
белой яхтой лети, обогнав на версту
или милю морскую
свою тишину,
свой простуженный день,
свой размеренный пульс.
Непосильную ношу швыряя в волну,
невесомое время ложится на курс.